

НУЖЕН ЛИ ИСТОРИКАМ «ПОВОРОТ К АФФЕКТУ»?¹

Статья посвящена полемике вокруг перспектив «поворота к аффекту» в гуманитарных исследованиях. Нужен ли он историкам? Или понятие аффекта имеет смысл рассматривать лишь как уточняющее в рамках исследования эмоциональных сообществ и трансформаций режимов эмоций/знания/власти? Эти вопросы важны не только сами по себе, но и в связи с расширением междисциплинарных связей на рубеже XX–XXI вв. Сегодня междисциплинарность все чаще предполагает сотрудничество историографии как с другими гуманитарными, так и с нейрокогнитивными науками. Авторы делают попытку определить ключевые тренды в исследованиях аффекта и наиболее продуктивные для историописания векторы диалога между ними.

Ключевые слова: история эмоций, поворот к аффекту, управленчество, эмоциональный капитализм, исследования культуры

Историография второй половины XX – начала XXI в. развивалась во многом благодаря интенсивным междисциплинарным взаимодействиям и соответствующим «поворотам» – антропологическому, визуальному, культурному, перформативному и др.² Сегодня все чаще ставится вопрос о выходе за пределы гуманитарного поля в целях сотрудничества с нейрокогнитивными науками, что особенно заметно в том направлении историописания, которое связано с изучением эмоций и аффектов. О важности и актуальности данного направления свидетельствует то, что тема ежегодной конференции Международного общества культурной истории в 2017 г. была сформулирована как «Чувства, эмоции и поворот к аффекту». Однако до сих пор подавляющее большинство историков относится к перспективам сотрудничества с нейронауками сдержанно, если не сказать – скептически. Так, Барбара Розенвейн и Рикардо Кристиани полагают, что такие перспективы находятся за рамками строгой научной экспертизы, а известнейший историк эмоций Ян Плампер сравнивает завышенные ожидания от нейронаук с попойками, «за которыми наступает ужасное похмелье»³. Действительно, часто поиски прямой зависимости между социальными интересами, моделями поведения и активностью разных зон головного мозга, фиксируемых МРТ, кажутся несколько наивными, а спешное конструирование новых дисциплин – нейрополитики, нейроэкономики, нейроантропологии или нейросоциологии – сомнительным и малопродуктивным⁴.

В задачу предлагаемой статьи не входит, конечно, ни подведение итогов дискуссий (еще далеких от завершения), ни даже определение

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта ШАГИ РАН-ХиГС «Проблема соотношения прошлого и настоящего в современных теориях исторического и социального времени».

² Подробнее см.: Репина 2004; Дмитриев, Запорожец 2015.

³ Rosenwein, Cristiani 2018; Плампер 2018. С. 15.

⁴ См., напр.: Neuroscience and Social Science 2017.

магистральной линии в современных – весьма разнообразных концептуально – исследованиях аффекта. Скорее речь идет о попытке определить ключевые тренды этих исследований и наметить наиболее продуктивные для историописания векторы диалога между ними⁵. С нашей точки зрения, «поворот к аффекту» позволяет во многом переосмыслить процессы субъективации в Новое и Новейшее время, а также пересмотреть сложившиеся представления о сообществах, до сих пор ограничивающие наше понимание «агентности» в истории.

Напомним, что в исследованиях аффекта существует несколько самостоятельных теоретических подходов, плохо согласующихся между собой⁶. Например, сторонниками Б. Массуми аффект понимается в делезианском ключе как «чистая интенсивность» и принципиально отделяется от эмоций⁷. С другой стороны, такое отделение часто вызывает справедливую критику. Многие специалисты по истории эмоций склонны рассматривать аффект как составную часть сложного социально-культурного комплекса, включающего тело и его окружение и работающего по законам репрезентации как производства культурных смыслов. Казалось бы, разность теоретических подходов налицо. Однако, когда исследования оказываются нацелены на более конкретные социальные проблемы или исторические сюжеты, теоретические разногласия уступают место прагматическим попыткам согласовать позиции.

Сообщества эмоциональные и(ли) аффективные

Одной из важнейших дискуссий, развернувшихся в рамках «аффективного поворота», можно считать полемику вокруг предложенного Б. Розенвейн понятия «эмоциональные сообщества». «Я использую термин “сообщества”, чтобы подчеркнуть социальную природу эмоций, оставляя при этом пространство для предложенного У. Редди понятия “эмотивов” (которые меняют дискурс и габитусы самим своим существованием), а также чтобы отметить способность людей адаптироваться к разным эмоциональным конвенциям при переходе из одной социальной группы в другую. <...> Эмоциональные сообщества формируются не за счет одной-двух эмоций, но благодаря констелляции или целому спектру чувств и ощущений»⁸. Согласно Розенвейн, эмоциональное сообщество поддерживается системой интернализованных норм, представляющих собой нечто среднее между дискурсом в понимании Фуко и габитусом в терминологии Бурдьё. Эта система во многом опре-

⁵ Что, разумеется, не исключает необходимости более широкого анализа исследований аффекта (как в рамках истории науки, так и в контексте полемики вокруг постклассического психоанализа) и их во многом справедливую критику. Например, см.: Leys 2017; Николаи, Хазина 2015.

⁶ Подробнее см.: Neuman, Marcus, Crigler, Mackuen 2007. Определение эмоций вызывает еще больше разногласий: Б. Розенвейн насчитывает 92 его версии. Rosenwein, Cristiani 2018. P. 10.

⁷ Massumi 2002. Также см.: Oushakine 2013; Кобылин 2017.

⁸ Rosenwein 2006. P. 25-26.

деляет поведение и мысли людей, их самоидентификацию в противопоставлении своего сообщества *другим*. Стоит отметить, что позиция исследовательницы сформировалась в ходе полемики с У. Редди. Хотя Розенвейн и «оставляет пространство» для его понятия «эмотива», она критикует ключевую для «Навигации чувств» идею «эмоционального режима», т.е. исторически конкретной системы политического контроля эмоций со стороны господствующего диспозитива знания /власти, разграничивающего формы их публичного /приватного выражения. Например, «старый режим» во Франции стремился абсолютно контролировать не только поведение, но и чувства своих подданных, которые искали «эмоциональное убежище» в светских салонах, сентименталистских театральных пьесах, масонских ложах и кофейнях. Именно эти поиски «эмоциональной свободы», в конечном итоге, и спровоцировали социальную революцию во Франции, по мнению Редди⁹. Розенвейн категорически не согласна с такой – слишком линейной – схемой объяснения. Она справедливо отмечает важность того факта, что, с одной стороны, существует преемственность языка выражения эмоций между античными, средневековыми и даже нововременными текстами XVII–XVIII вв., а с другой – различие эмоциональных практик между разными поколениями. Не нужно также забывать о перформативном характере эмоциональной речи в конкретной ситуации. Согласно Розенвейн, эмоциональные сообщества всегда сосуществуют, конкурируют, воздействуют друг на друга; их границы оказываются проницаемы для внешних культурных влияний. Как медиевист, она показывает некорректность тезиса Редди о поиске «эмоциональной свободы» как движущей силы сопротивления гегемонии доминирующего эмоционального режима. Во всяком случае, этот тезис не носит универсального характера – он явно не работает ни применительно к анализу средневековой концепции страстей, ни к описанию отношений монарха и его подданных.

Розенвейн критикует и тезис о самостоятельности аффекта. По ее мнению, аффекты активируются в речи (эмотивах) и подчиняются культурным правилам ее развертывания. Перформатив она понимает скорее в смысле И. Гоффмана, – как неформально регламентированную форму социальной коммуникации, а не преобразование реальности. Например, в театре елизаветинской эпохи или средневековых судах харизматичность / аффективность выступления играла важную роль, но была ориентирована на публичные ожидания и соответствовала четким правилам и существующим социальным ролям. Признавая, что теория аффекта лучше всего работает применительно к современности, поскольку опирается на широкий спектр источников, которые невозможно собрать для раннего средневековья, Розенвейн рассматривает аффект как лишь один из нескольких способов взаимосвязи тела и его окружения, функционирующий в рамках общих культурных кодов социального поведения.

⁹ Reddy 2004.

Однако, согласно ряду исследователей, именно аффективные взаимодействия выходят на передний план в современном социуме и определяют функционирование сообществ. В частности, авторы коллективных монографий «Реляционность аффекта: семья, пространства, технологии» (2018) и «Общества аффекта: ключевые понятия» (2019)¹⁰ доказывают, что именно неосознаваемые аффективные практики подчиняют себе сегодня прежние политические, религиозные, экономические и расовые установки. Например, с этой точки зрения, сторонников президента США Д. Трампа объединяет не столько внятная экономическая или политическая программа, сколько сочетание неотрефлексированной ностальгии по индустриальному обществу и ресентимент, направленный на конструируемых по расовому принципу *Других* – «китайцев», «мексиканцев» и т.д. Причем эти настроения парадоксальным образом оказываются популярны у низших социальных слоев *вопреки* их классовым интересам и рациональным аргументам критиков Трампа. Напряжения между рациональными аргументами и экономическими интересами, с одной стороны, и специфической эмоционально-окрашенной риторикой с другой, разрешаются в гибридных или аффективных практиках, эксплуатируемых сегодня не только американскими или европейскими правыми, но и самыми разными силами по всему миру.

Важно отметить, что такого рода анализ помещает аффект в рамки *динамической* онтологии: рассматривает его не как устойчивую сущность или черту психики индивида, но как *процесс*, взаимодействие физического, технического и социального измерения субъективации, как *отношения* между акторами и коллективами¹¹. Эмоции, повседневные габитусы и социальные нормы оказываются производными от этих отношений. «Мы рассматриваем аффект не как процесс “внутри” субъекта, но как реляционную динамику, раскрывающуюся в существующих практиках и социальных взаимодействиях. Аффект играет ключевую роль для человеческой субъективности, поскольку вписывает ее в социальное, материальное, технологическое окружение, которое, в свою очередь, формирует ее агентность, габитусы и саморефлексию»¹². Сторонники этой позиции поддерживают идею Розенвейн о том, что не существует жесткого разрыва между аффектом и эмоциями. Эта дихотомия конструируется искусственно, продолжая популярное в философии Нового времени противопоставление тела и сознания, бессознательного и рационального, частного и публичного. В качестве противоядия против такого дуализма и, как его следствия, «натуралистического» и «конструктивистского» уклонов, Ян Слаби и Бригитта Рётгер-Рёслер вводят

¹⁰ А также представители Центра исследования аффективных обществ из Свободного университета Берлина.

¹¹ Affective Societies: Key Concepts 2019. P. 14. Аналогичным образом воспоминание и травма в современных memory studies все чаще рассматриваются именно как *процесс*. Например, см.: Уинтер 2016.

¹² Slaby, Röttger-Rössler 2018. P. 2-3.

понятие *аффективных практик*¹³. К ним можно отнести поддержание семейных связей в условиях миграций и роста географической мобильности, когда члены одной семьи оказываются не просто территориально в разных странах, но и в эмоциональном плане интегрируются в разные сообщества, сохраняя при этом аффективные связи (поддерживая их благодаря скайпу и интернет-сетям). Другим примером таких аффективных взаимодействий Б. Аята и С. Хардерс считают тактильное / эмоциональное / ценностное ощущение пространства, влияющее и на политическую активность: например, специфическое отношение жителей Каира к площади Тахрир, которое сыграло важную роль в интенсификации эмоций во время политических баталий в Египте 2011–2014 гг.¹⁴ Впрочем, стоит отметить, что точные и интересные наблюдения авторов указанных сборников сопровождаются порой слишком поспешными генерализациями: трактовка любых сообществ (включая, например, мусульманскую умму) в качестве исключительно «аффективных» грозит лишить понятие аффекта всякого эвристического смысла. Куда более продуктивным был бы анализ того, как аффективная составляющая «подшивается» к существующим социально-экономическим и политическим структурам и, в конечном итоге, проблематизирует их, смещает их границы, ставит под вопрос сложившиеся внутри них идентичности.

Этот процесс просматривается в той конфигурации власти, которую, перефразируя Фуко, можно назвать неолиберальным аффективным «управленчеством» (*gouvernementalite*), использующим аффект и эмоции граждан в политико-экономических целях. Речь идет о новой форме субъективации, которая опирается не на институционально поддерживаемую дисциплину, но на полуосознанную интернализацию политического, компьютерного и биомедицинского контроля. Мы с готовностью откликаемся на эмоциональные или аффективные интерpellации со стороны власти (хороший пример – «сострадательный консерватизм» Дж. Буша-младшего). Результат такой интернализации – рост практик взаимодействия, уклоняющихся от концептуализации. «*Сообщества аффекта* чаще всего предельно гетерогенны, – они состоят из представителей разных социальных, этнических, национальных и религиозных групп. Их участники объединены скорее общим опытом, совместными практиками и интересами, а не какой-то одной общей идеей. Мы рассматриваем термин “сообщества аффекта” как дополнительный по отношению к “эмоциональным сообществам” Б. Розенвейн. <...> Их отличие в том, что сообщества аффекта не стабильны во времени и не опираются на какой-то определенный набор эмоций или ощущений. Наоборот <...> сообщества аффекта формируются через опыт, практики и интересы, которые преодолевают [cross-cut] социальные, культурные, этнические, религиозные и гендерные различия»¹⁵.

¹³ Ibid. P. 8.

¹⁴ Ayata, Harders 2018.

¹⁵ Slaby, Röttger-Rössler 2018. P. 24.

Стремление концептуализировать «аффективные сообщества» возникает на волне критики дуализма в истории эмоций, накладывающейся на аналогичные тенденции в исследованиях национализма и критической теории, которая с анализа неолиберальной экономики и культуры потребления все чаще переключается на аффективную экономику «эмоционального капитализма»¹⁶. Как отмечает британский теоретик Ш. Муфф, проблематика эмоций и аффекта оказалась недооценена левыми, но по максимуму использована правыми политиками: «Существующие теории демократии не учитывают аффективной стороны политической жизни: нельзя сводить аффект к энтузиазму или возмущению, в нем есть и тоска по норме. Опыт анализа аффектов у Спинозы и у Фрейда говорит, что аффект не дополняет идентичность, но довершает ее, позволяя включиться в политику не в рамках отдельных интересов, но в рамках общей заинтересованности в сохранении “политического тела” демократии. Отныне ставка любого политика – социальная терапия эмоций: не исключение аффектов, а их внимательная проработка»¹⁷.

Критика неолиберальной экономики аффекта

Профессор Нью-Йоркского университета Патрисия Клаф в своей книге «Бессознательное пользователя: аффект, медиа и измерение [аффективности]» рассматривает преобладающие тенденции социально-политического развития XXI в. – рост милитаризма и постколониальных конфликтов, замедление темпов экономического развития и экспансию неолиберальной биополитики, замену публичного пространства сетевым и экспансию дигитальных медиа. По ее мнению (с опорой на идеи М. Фуко и Б. Массуми), эти глобальные макропроцессы сопровождаются изменением техник субъективации и микрофизики власти – гибридизацией отношений между человеком и окружающей техногенной средой, а также вытеснением рационального (основанного на символической репрезентации) выбора бессознательной работой аффекта.

В первой и, пожалуй, наиболее интересной в теоретическом плане главе своей книги «Война другими средствами» Клаф использует понятие *affective economy*, которое, учитывая специфику работы, лучше переводить как «экономика аффекта». Неолиберальная экономика, с одной стороны, навязывается капиталистическими элитами сверху посредством медиа и рекламы, а с другой, – активно и с удовольствием потребляется снизу. При этом потребление выходит за рамки исчислимой в терминах классической политической экономии прибавочной стоимости, но

¹⁶ Термин «эмоциональный капитализм» активно разрабатывает Е. Иллуз: «Эмоциональный капитализм – это культура, в которой эмоциональные и экономические практики и дискурсы взаимно определяют друг друга, формируя единое широкое движение, в рамках которого аффект оказывается существенным аспектом экономического поведения, а эмоциональная жизнь (особенно среднего класса) следует логике экономического обмена». – Shous 2007. P. 4. Также см.: Сувалко 2013. В. Куренной, вслед за Г. Шульце, использует понятие «общество переживаний». – Куренной 2012.

¹⁷ Муфф 2017.

включает неисчислимый или аффективный уровень, связанный с использованием потенциальности / будущего. Еще не вызванные эмоции просчитываются заранее и включаются в стоимость товара. Например, владельцы социальных сетей предоставляют рекламодателям данные об интересах и личных предпочтениях пользователей, тем самым повышая котировки своих акций. Однако, по мнению Клаф, неолиберализм кроме этого непосредственного прагматического расчета прибыли предполагает и управление будущим, которое еще неизвестно. Сама способность испытывать эмоции и генерировать новые смыслы превращается в человеческий капитал; несимволизируемые аффекты – в калькулируемые эмоции; открытое будущее – в среднесрочные инвестиции: «Так называемая экономика знаний или информационная экономика, которую теперь можно называть аффективной, в эпоху эстетического капитализма предполагает накопление богатств посредством работы общего [распределенного] интеллекта, сформированного благодаря вовремя сделанным инвестициям в образование и благосостояние работников, а также совершенствование техник управления, которые ни в коем случае не противопоставляются креативности и новациям»¹⁸.

Аффект нельзя трактовать в психологическом ключе как интенсивность эмоций, – для Клаф принципиально важна его материальная составляющая, а также взаимосвязь с трудом, стоимостью и инновациями. Поэтому его лучше описывать в терминах теории информации, которая предполагает способность материи к самоорганизации, самоизмерению и (вместе с материей и энергией) относится к физической сфере: «В XIX в. наука и капитал управляли телами рабочих, контролируя энтропию и энергию (если использовать язык термиодинамики). Сегодня наука и капитал стремятся напрямую модулировать недетерминистскую потенциальность, эмерджентную креативность аффекта»¹⁹. Прима́т измеримости и неолиберальный словарь «эффективности» ведут к рабству: они превращают измерение в привлекательное свидетельство будущего, присутствующего уже сегодня: «Аффективное измерение сингулярно (уникально), но продуктивно, поскольку с каждым измерением оно модулирует и меняет интенсивность аффекта. При этом оно не просто производит добавочную стоимость аффекта, но делает необходимым каждый раз изменение шкалы измерений. В этом смысле измерение оказывается эстетической категорией – сингулярной, не-генерализирующей процедурой, уникальной для каждого события и каждой встречи с еще-не-ставшим»²⁰. Аффективная интеграция «спланированного» будущего в настоящее блокирует подлинную открытость будущему как выходящему за рамки вероятностных прогнозов Событию.

Аффект не принадлежит конкретному человеческому телу, но относится к материи как таковой. В этом пункте Клаф разделяет спинози-

¹⁸ Clough 2018. P. 30.

¹⁹ Ibid. P. 4.

²⁰ Ibid. P. 30

стско-делезианский мейнстрим современного философского материализма: все тела обладают способностью аффицировать и аффицироваться. Так, эколог и политический теоретик Джейн Беннетт, разработавшая концепцию «пульсирующего материализма» (*vibrant materialism*), говорит о мире как о взаимодействующих ассамбляжах аффективных тел – тел, которые больше нельзя распределить по категориям «живое» / «неживое»²¹. Для современной теории также важны построения А. Уайтхеда, поместившего «чувствование» в самую сердцевину неживой материи²². «Нам странно думать, что неживая материя что-то чувствует, но чувство для философа – это аффект, реакция на то прошлое состояние, которое передается в нынешнее состояние и далее»²³.

Согласно Клаф, само восприятие тела как отдельного организма и привязка к нему субъективности представляются исторически сформировавшейся в эпоху «модерности» стратегией дисциплинарной власти, стремящейся заставить человека производить все больше материальных благ. Однако в современном позднекапиталистическом обществе оказывается востребован не столько дисциплинарный, сколько *мнемонический контроль*, – распределенная система работы памяти как регулирование доступа к информации, обеспечивающая сохранение существующей гегемонии. «Мнемонический контроль напоминает “распределение имплантов памяти”, дающих телесную или аффективную память о подлинном опыте, которым мы пока не обладаем, но тем не менее получаем основу для его будущей активации как повторения этого опыта»²⁴.

Особенно важно отметить темпоральное измерение этой работы аффекта: *будущее включается в настоящее*. По мнению Клаф, аффект позволяет создать универсум микро-темпоральностей, которые могут прагматически использоваться благодаря своей непосредственности. Контроль осуществляется за счет блокирования креативных мутаций, не соответствующих прагматике современного режима знания / власти и потому выносимых на границы пространства-времени в процессе их информационной маркировки или измерения. Благодаря постоянным измерениям и аффективной квантификации информации неолиберальная экономика подчиняет и эксплуатирует будущее, увеличивая прибавочную стоимость продаваемых сегодня товаров. Экстенсивное потребление сменяется интенсивным. А люди превращаются не просто в «человеческий капитал», но в средства производства этой специфической темпоральности и распределенных регуляторов «мнемонического контроля» одновременно. Аффективно маркированные товары несут в своем дизайне стоимость будущего использования. В результате неолиберализм оказывается не просто сплавом производства и потребления *ощущений* комфорта и безопасности, но и генератором специфического

²¹ Беннетт 2018. С. 46-50.

²² Уайтхед 1990. С. 297-298.

²³ Ямпольский 2019. С. 18.

²⁴ Clough 2018. P. 23.

типа темпоральности – «*приватизации будущего*» (осуществляемой не из единого центра, но *распределенно* на уровне сетей пользователей).

С этой точки зрения, война и насилие как обратная сторона комфорта и потребления регулируются также распределенно. Предлагаемая современными исследованиями (прежде всего, *memory studies* и *trauma studies* с их эстетизацией виктимности) критика неолиберализма не выходит за рамки аффективной экономики и не нарушает мнемонического контроля, но лишь повышает его КПД. Клаф доказывает это в главе «Война другими средствами», посвященной проекту «Я здесь живу», созданному под руководством Мии Киршнер и включающему фотографии, графику и документальные свидетельства о насилии в Чечне, Бирме, на границах Мексики, а также о распространении СПИДа в Малави. Виктимизация и дискурс травмы оказываются вписаны в аффективную экономику позднего /эмоционального капитализма, поскольку они предполагают избегание завышенных рисков, преодоление или же смягчение разрывов культурной памяти, сохранение «культурных традиций». Управление рисками становится обратной стороной потребления комфорта и также переносит будущее в настоящее. В этой же логике мнемонического контроля работают и *trauma studies*: они предполагают повторение страданий (хотя и выступают за их смягчение) и подчеркивают бессознательный характер репрезентации памяти о прошлом.

В концепции Клаф выход за рамки этого замкнутого круга неолиберальной экономики аффекта не очень понятен²⁵. Аффект, несомненно, может быть использован в какой-то иной политико-экономической модели, но вопрос о конкретных практиках его выражения остается открытым: «Проблема теорий аффекта состоит в том, как определить в настоящем политику, которая бы не питалась калькуляцией будущего и не загоняла бы его в жесткие рамки, но была бы открыта его вызовам»²⁶. Такая теоретическая позиция предполагает отказ от эссенциалистского понимания субъекта, сохраняющегося не только в истории эмоций, но и в историографии в целом. Субъективность выступает здесь лишь функцией более глубоких процессов роста неолиберальной экономики аффекта и эмоционального капитализма, торгующего *ощущениями* комфорта и безопасности. С этой точки зрения, история не должна служить средством легитимации современного режима эмоций / знания / власти, но может начать поиск альтернатив существующей экономике аффекта.

Понятие аффекта используется применительно и к другим важным для историков сюжетам. Но чаще всего речь при этом идет о формировании социальных и интеллектуальных сообществ в эпоху «модерности». Показательным примером является работа Т. Рогана, посвященная анализу влияния практик повседневной солидарности и *аффективного*

²⁵ Как и в работах близких ей по духу исследователей. См., например: Coleman 2015; *Affective Economies, Neoliberalism, and Governmentality* 2017; etc.

²⁶ Clough 2018. P. 18.

воздействия пролетарской /низовой культуры на социально-политические взгляды Р. Тоуни, Э.П. Томпсона и К. Поланьи²⁷. С этой точки зрения, академические сообщества объединены не просто на институциональном, но на *аффективном* уровне: этос их деятельности исключает эмоциональную ангажированность, однако их члены глубоко преданы своему делу, служение которому требует от исследователей синтеза рациональных суждений, ценностей и неосознанных габитусов²⁸.

Таким образом, хотя исследования аффекта и представляются по-прежнему скорее гетерогенным полем, чем единой «сильной программой», их тезаурус и методологическая оптика все больше сближаются. Можно выделить несколько ключевых идей, которые разделяют представители разных их направлений.

Во-первых, процессы (де)субъективации (особенно в современном обществе) рассматриваются преимущественно в *динамическом*, а не *статическом* / субстанциалистском ключе. Понятие *сообщества аффекта* предполагает не только признание этой динамики, но и переносит акцент с осознанных эмоций, ценностей и культурно-символических репрезентаций на взаимодействия между телами, вещами и технологиями. И любые самоописания акторов должны быть дополнены анализом подобного рода практик.

Во-вторых, сообщества аффекта оказываются неотделимы от неолиберальной политэкономии и интересов «эмоционального капитализма». Поиск альтернатив такому режиму не сводится к ностальгии по эпохе Просвещения или «старой доброй» критической теории, но предполагает поиск практик, в которых аффект задействован в ином регистре, отличном от капиталистического потребления комфорта и управления рисками. Поэтому можно (и нужно) проблематизировать словарь исследований аффекта применительно к медиевистике, как это делает Б. Розенвейн²⁹. Однако еще более актуальной задачей является формирование более когерентной теоретической программы поворота к аффекту, нацеленной на диалог не только с гуманитарными исследованиями, но и с нейронауками, чем занимается, например, М.-Л. Энгерер³⁰.

Сегодня развитие исследований аффекта в значительно большей степени, чем социально-культурная антропология или исследования памяти, предполагают ревизию академического дисциплинарного проекта как экспертной научной оценки и(ли) философской саморефлексии интеллектуалов. Речь идет о необходимости разработать новый формат знания – публичного, нацеленного на действие и преобразование соци-

²⁷ Rogan 2017.

²⁸ Также см.: Daston 1995.

²⁹ См.: Affective and Emotional Economies in Medieval and Early Modern Europe 2018.

³⁰ В своей работе «Желание после аффекта» Энгерер рассматривает две взаимосвязанные составляющие аффекта: трансформацию диспозитива сексуальности (генеалогии которого исследовал М. Фуко) и изменение автоконтроля мозга («церебральное бессознательное» в терминологии К. Малабу). Angerer 2014.

ально-культурной среды обитания сообществ. И прежде всего это касается современных реформ академической сферы и дисциплинарной политики, поскольку неолиберализм сегодня активно захватывает пространство университета, подчиняя его глобальному рынку под предлогом калькуляции его эффективности. Проблематизация этих измерений, поиск альтернативных моделей развития академических сообществ и новых форм социальной солидарности оказываются в данном контексте предельно актуальными.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Дмитриев А.Н., Запорожец О.Н. Дисциплинарный принцип, академический рынок и вызовы «общества знания» // Науки о человеке: история дисциплин / Под ред.: И.М. Савельевой, А.Н. Дмитриева. М.: НИУ ВШЭ, 2015. С. 569-599. [Dmitriev A.N., Zapozhets O.N. Disciplinary princip, akademicheskij rynek i vyzovy «obshchestva znaniya», in *Nauki o cheloveke: istoriya discipline* / Ed. by I.M. Savelieva, A.N. Dmitriev, Moscow, NRU HSE, 2015, pp. 569-599]
- Кобылин И.И. «Автономия аффекта»: история, становление, биополитика // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 25-38. [Kobylin I.I. «Avtonomiya affekta»: istoriya, stanovlenie, biopolitika, in: *Dialog so vremenem*, 2017, No. 58, pp. 25-38].
- Куренной В.А. Общество переживаний // Постнаука. 28.06.2012 [Kurennoj V. Obshchestvo perezhivaniy, in *Postnauka*, 28.06.2012, <http://postnauka.ru/video/2518>]
- Муфф Ш. Аффекты демократии // Гефтер. 15.05.2017. [Mouffe C. Affekty demokratii, in *Gefter*, 15.05.2017, <http://gefter.ru/archive/22167>]
- Николай Ф.В., Хазина А.В. История эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 97-115. [Nikolai F.V., Khazina A.V. Istoriya ehmosij i «affektivnyj povorot»: problemy dialoga, in *Dialog so vremenem*, 2015, No. 50, pp. 97-115]
- Плампер Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: НЛО, 2018. 568 с. [Plamper J. *Istoriya ehmosij*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 568 p.]
- Репина Л.П. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. 2004. № 11. С. 5-17. [Repina L.P. Mezhdisciplinarnost' i istoriya, in *Dialog so vremenem*, 2004, No. 11. P. 5-17]
- Сувалко А.С. Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств. М.: ВШЭ, 2013. 48 с. [Suvallko A.S. *Emocional'nyj kapitalizm: kommercializaciya chuvstv*. Moscow, NRU HSE, 2013, 48 p.]
- Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 720 с. [Whitehead A.N. *Izbrannye raboty po filosofii*. Moscow, Progress, 1990, 720 p.]
- Уинтер Д. Война, память, воспоминание // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 5-15. [Winter J. *Vojna, pamyat', vospominanie*, in *Dialog so vremenem*, 2016, No. 56, pp. 5-17]
- Ямпольский М. Изображение. Курс лекций. М.: НЛО, 2019. 424 с. [Yampolsky M. *Izobrazhenie. Kurs lekcij*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 424 p.]
- Affective and Emotional Economies in Medieval and Early Modern Europe / Ed. by A. Marculescu, C.-L.M. Métiévier. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018. 278 p.
- Affective Economies, Neoliberalism, and Governmentality / Ed. by A.-M. d'Aoust. N.Y.: Routledge, 2017. 140 p.
- Affective Societies: Key Concepts / Ed. J. Slaby, C. von Scheve. N.Y.: Routledge, 2019. 383 p.
- Angerer M.-L. *Desire after Affect* / Trans. by N. Grindell. L.: Rowman & Littlefield International, 2014. 154 p.
- Ayata B, Harders C. “Midan Moments”: Conceptualizing Space, Affect and Political Participation on Occupied Squares // *Affect in Relation: Families, Places, Technologies* / Ed. by B. Röttger- Rössler, J. Slaby. N.Y.: Routledge, 2018. P. 115-133.
- Clough P.T. *The User Unconscious: On Affect, Media, and Measure*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. 208 p.
- Coleman R. *Transforming Images: Screens, Affect, Futures*. N.Y.: Routledge, 2015. 184 p.
- Daston L. *The Moral Economy of Science* // *Osiris*. 1995. Vol. 10. P. 3-24.
- Illous E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Polity, 2007. 144 p.

- Leys R. *The Ascent of Affect: Genealogy and Critique*. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 416 p.
- Massumi B. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Durham, London: Duke University Press, 2002. 336 p.
- Neuman W.R., Marcus G.E., Crigler A.N., Mackuen M. *Theorizing Affect's Effects // The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior / Ed. by W.R. Neuman*. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 1-20.
- Neuroscience and Social Science: The Missing Link / Ed. by A. Ibáñez, L. Sedeño, A.M. García*. N.Y.: Springer, 2017. 546 p.
- Oushakine S.A. *Remembering in Public: On the Affective Management of History // Ab Imperio*. 2013. No. 1. P. 269-302.
- Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 386 p.
- Rogan T. *The Moral Economists: R. H. Tawney, Karl Polanyi, E. P. Thompson, and the Critique of Capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 280 p.
- Rosenwein B. *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca, L.: Cornell University Press, 2006. 228 p.
- Rosenwein B., Cristiani R. *What is the History of Emotions?* Cambridge: Polity, 2018. 163 p.
- Slaby J., Röttger-Rössler B. *Introduction: Affect in Relation // Affect in Relation: Families, Places, Technologies / Ed. by B. Röttger-Rössler, J. Slaby*. N.Y.: Routledge, 2018. P. 1-26.
- The Affective Turn: Theorizing the Social / Ed. by P.T. Clough, J. Halley*. Duke University Press, 2007. 328 p.
- Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 220 с. [Bennett J. Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ehkologiya veshchej. Permian, HylePress, 2018, 220 p.]

Кобылин Игорь Игоревич, кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Нижегородская государственная медицинская академия; старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ ИОН РАНХиГС; kigor55@mail.ru

Николай Федор Владимирович, доктор философских наук, доцент, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; fvnik@list.ru

Do historians need a “turn to affect”?

The article is devoted to current controversy around the prospects of ‘affective turn’ in humanities and social science. Do historians need it? Or does it make sense to consider the concept of affect only as specifying in the context of studying the history of emotional communities and transformations of complex emotions/knowledge/power regimes? These questions are important not only on their own, but also in connection with the expansion of interdisciplinary studies, which became the hallmark of historical research at the turn of the XX-XXI centuries. Today, interdisciplinarity in historiography increasingly involves cooperation not only with other humanities, but also with neurocognitive sciences. The objective of proposed article does not include the summing up of discussions (still far from completion) about the prospects of such a dialogue, or even the definition of the main line in the contemporary studies of affect. Rather, it is important to identify the key trends of these studies and to outline the most productive vectors of dialogue between them.

Keywords: history of emotions, affective turn, governmentality, emotional capitalism

Igor Kobylin, PhD, Associate Professor, Department of Social Sciences, Privolzhsky Research Medical University; Senior Researcher, Research Laboratory for Historical and Cultural Studies? The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); kigor55@mail.ru

Feodor Nikolai, PhD in History, Associate Professor, Department of World History, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University); fvnik@list.ru